

ОСНОВЫ НОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ

После того как славяне пережили времена рабства, тяжелой борьбы и жалоб, которые были последствием их разделения, соединяются они теперь в первый раз на общем съезде и подают взаимно руки в знак братского единения, заявляют они перед богом и народами, что следующие основные положения составляют основы их новой политической жизни:

1) Как последние пришельцы в развитии европейского образования, опытные и способные, чувствуют они себя призванными к осуществлению того, что другие народы Европы приготовили через развитие, то есть к осуществлению того, что теперь считается за конечную цель всякой гуманности, особенно величия, свободы и счастья всех, принимающих участие в святом и братском единении, как отдельных личностей, так и народов.

2) Очень долгое время они были жертвою чуждого притеснения, видели очень хорошо печальные того последствия: упадок родных (национальных) нравов и дисгармонию в обществе, которая выходит из притеснения не только для притесненных, но также и особенно для притеснителей; кроме того, они слишком возненавидели чуждое иго, чтобы когда-нибудь пожелать наложить свое иго на чужие народы. Уважение и любовь к свободе других есть в их глазах первое условие собственной свободы.

3) Кроме того, они слишком долго были жертвою хитрости и насилия, чтобы начать черпать новую жизнь и новую силу в чем-либо другом, кроме как в чистой и святой истине, в чистой свободе, в чистой справедливости без всякого ограничения, без всякой задней коварной мысли; поэтому они устраняют столько же во внутренней, сколько и во внешней политике дипломатию и ее соображения, все что искусственно и что могло бы иметь целью какую бы то ни было центральную власть насчет свободы, будь то индивидуума, будь то народов. Новая политика славянских народов будет не государственная политика, а политика народов, политика независимых свободных людей.

4) Они основывают свое новое могущество на неразрывном и братском союзе всех народов, составляющих славянское племя, и не

будут искать никакой другой централизации, кроме той, которая вытекает из соединения всех славян. Все их несчастье было в разделении: соединенные они были бы непобедимы, и, однако же, они были разделены и так страстно держались того, что они забывали святую связь рода и крови, которая непременно их соединила для исполнения общего признания. Одни из них дали себя соблазнить для братоубийственной войны. Другие, наконец, забывались до того, что пользовались чужими племенами и анти-славянской политикой для уничтожения своих братьев. Но в наказание за это Бог попустил, чтобы одно славянское племя за других подпало игу немцев, не исключая и тех, которые сохранили призраком национальной и независимой жизни, или стали мучителями своих братьев столько же, сколько и несчастными исполнителями немецких замыслов.

Однако же уже исчезли времена страданий, — час освобождения пробил для славян. По прибытии в Прагу от противоположных границ, они нашли себя братьями, — признали себя и прочувствовали братьями один к другому не только в сердце, но поняли друг друга на их языках, которые только разные диалекты одного, оттенки одного прекрасного и благозвучного языка, который распространялся от берегов Адриатических до границ Белого моря и Сибири*. Они увидели себя соединенными общностью их дел и еще сильнее они увидели себя соединенными великим признанием, которое им приготовляет будущее. Они поблагодарили Бога за то, что он положил конец их долгим страданиям, что он их сохранил в полной чистоте братского чувства: они простили себе взаимно прошедшее и видят перед собою только настоящее и будущее, в сознании долга более не нарушать своих судеб.

* Как бы там ни было, а историк Шпрингер, вообще мало симпатизирующий Пражскому съезду, говорит, что сведения о том, будто собравшиеся там славяне могли понимать друга при посредстве немецкого языка, — есть «выдумка злых языков».